

Переворот

Анна Ивановна умерла 17 октября 1740 года. Перед смертью она назначила наследником трона своего внучатого племянника Ивана Антоновича, которому было всего четыре месяца от роду. Регентом при маленьком императоре стал Эрнст Иоганн Бирон, однако его правление продлилось лишь три недели. Власть перешла к Анне Леопольдовне – племяннице Анны Ивановны и матери Ивана Антоновича. Новую правительницу – дочь герцога Мекленбургского и ее мужа принца Антона Ульриха Брауншвейг-Люнебургского народ воспринимал как не имеющих отношения к наследной власти русских царей. Массовые симпатии естественным образом склонялись в сторону дочери Петра Великого – «русской сердцем и по обычаям».

Десять лет уединенной жизни полуопальной цесаревны пошли ей на пользу, превратив шаловливую ветреницу в зрелую женщину, красота которой приобрела величественный и спокойный характер. Ее царственный облик внушал теперь уважение, а тень печали на лице вызывала сочувствие.

После смерти Анны Ивановны положение Елизаветы Петровны во многом изменилось к лучшему. Бирон во время своего короткого регентства успел увеличить ей размер годового содержания до восьмидесяти тысяч рублей. Анна Леопольдовна сохранила это распоряжение в силе и, кроме того, выдала цесаревне сорок три тысячи рублей на покрытие накопившихся у нее долгов. Правительница относилась к своей двоюродной тетке с родственной симпатией, но та вряд ли платила ей взаимностью. По-видимому, мысль о престоле уже не покидала Елизавету. Сравнивая себя с Анной Леопольдовной, дочь Петра I не могла не ощущать своего превосходства перед ней. Однажды простодушная правительница призналась Елизавете, что дала отставку фельдмаршалу Миниху под нажимом своего мужа Антона Ульриха и Остермана. Рассказывая об этом шведскому дипломату, цесаревна заметила: «Надобно иметь мало ума, чтобы высказаться так искренно». Отказывая своей племяннице в уме и гибкости, Елизавета тем самым подчеркивала наличие этих достоинств у себя. Свой отзыв об Анне Леопольдовне цесаревна закончила пренебрежительной иронией: «она совсем дурно воспитана, не умеет жить, и, сверх того, у ней хорошее качество быть капризною так же, как и герцог Мекленбургский, ее отец».

Честолюбивые замыслы цесаревны постоянно подогревались извне. Екатерина II утверждает, что во время поездок Елизаветы по Петербургу «ей кричали, чтобы она вступила на престол своих предков». По свидетельству английского дипломата, она была «очень популярна и сама по себе, и в качестве дочери Петра Первого, память которого становилась все дороже и дороже русскому народу». О том же писал в марте 1741 года польско-саксонский дипломат М.К. Линар: «В прежнее время народ находил, что слишком предпочитают во всем немцев; он боится, судя по тому, что видит, что конца этому не будет,

и поэтому в мыслях его все чаще царица Елизавета, дочь императора Петра I, следовательно, женщина русская».

О правах цесаревны на престол рассуждали иностранные представители при российском дворе, которым крамольные речи не могли грозить карой. Однажды турецкий дипломат заявил в разговоре с французским посланником: «...Русская корона принадлежит или герцогу голштинскому (сыну Анны Петровны. – В.Н.), или принцессе Елизавете. Достаточно увидеть последнюю, чтобы согласиться, что она скорее, чем правительница, рождена носить корону, и на последнем бале было совершенно излишне указывать мне на нее: ее величественный вид довольно указывал мне, что она была дочь Петра I, между тем как я никогда бы не узнал правительницы, когда бы мне ее не назвали». Другой дипломат в беседе с сотрудником Коллегии иностранных дел Чекалевским сказал, что Елизавета Петровна имеет больше прав на престол, чем Иван Антонович, «понеже высочайшее рождение его величества уже не от поколения природных российских государей, но от других самовладеющих в Европе пресветлейших герцогов произошло». Чекалевский был вынужден многословно доказывать собеседнику, что младенец-император принадлежит к династии Романовых.

Слабость позиций брауншвейгской фамилии в немалой степени определялась религиозными чувствами народа. Анна Леопольдовна вела себя не как православная, а ее муж был протестантом. Противники их власти могли утверждать, что они «не упустят случая воспитать молодого царя, их сына, в догматах, противных господствующей в стране вере». В народе говорили, что Иван Антонович «родился не от христианской крови и не в правоверии», поскольку его отец – иноземец, и в церковь не ходит, и святым иконам не поклоняется». Елизавета Петровна значительно выигрывала во мнении народа своей религиозностью и твердой приверженностью к православию.

Решающее значение в борьбе за власть в России того времени имела позиция армии, особенно гвардии, и именно там Елизавета Петровна постаралась добиться наибольшего успеха. Еще в сентябре 1738 года один из иностранных дипломатов отмечал, что «все войско на стороне дочери Петра Великого». Это утверждение, несмотря на явное его преувеличение, все же весьма показательное. Популярность Елизаветы в гвардейской среде стала особенно заметна после смерти Анны Ивановны и нашла отражение в делах политического сыска. Двадцать третьего октября 1740 года «счетчик из матросов» М.М. Толстой отказался принести присягу на верность императору Ивану Антоновичу, причем заявил: «Орел летал, да соблюдал все детям своим, а дочь его оставлена». На допросе в Канцелярии тайных розыскных дел Толстой объяснил, что «говорил-де он то о государе императоре Петре Первом, что-де он, государь, во время государствования своего соблюдал и созидал все детям своим, а у него – де, государя, осталась дочь государыня цесаревна Елизавета Петровна, и надобно ныне присягать ей, государыне цесаревне». По словам Толстого, так рассуждали между собой солдаты Преображенского полка, возвращаясь в казармы после присяги. Приверженцы Елизаветы Петровны обнаружили и в других полках гвардии. Седьмого октября 1740 года капрал Конногвардейского полка А.

Хлопов говорил в беседе с товарищами: «Не обидно ли? Вот чего император Петр I в Российской империи заслужил: коронованного отца дочь, государыня-цесаревна оставлена!» После свержения Бирона три гвардейских полка шли к императорскому дворцу в полной уверенности, что государыней будет провозглашена Елизавета Петровна. Такие же настроения проявились в гарнизонном полку на Васильевском острове и в Кронштадте, где солдаты кричали: «Разве никто не хочет предводительствовать нами в пользу матушки Елизаветы Петровны?»

Цесаревна с присущей ей дальновидностью немало потрудились для завоевания популярности в гвардейской среде. Она почти ежедневно выказывала гвардейцам свое внимание и расположение: крестила их детей, щедро угощала родителей, делала подарки солдатам и офицерам, испрашивала прощения провинившимся или как-то иначе проявляла свою заботу о «первейших частях империи». Дружбой с дочерью Петра могли особенно похвастаться преображенцы, казармы которых находились вблизи так называемого «Смольного дома» – Летнего дворца цесаревны. Пользуясь этой территориальной близостью, она часто посещала преображенцев «без этикета и церемоний», участвовала в их пирушках, радушно принимала офицеров и солдат у себя дома. Веселая и остроумная красавица Елизавета без труда привлекала сердца гвардейцев своей обворожительностью в сочетании с истинно петровской простотой обращения. Солдаты называли ее не иначе как «матушка» и готовы были идти за дочерью Петра в огонь и в воду. Анна Леопольдовна обо всем этом знала, но считала поведение своей двоюродной тетки пустой прихотью. При дворе правительницы говорили с насмешкой: «У принцессы Елизаветы ассамблеи с Преображенскими гренадерами».

Однако люди более проницательные не находили юмора в подобной ситуации. Миних, явившийся к цесаревне с пожеланием счастья в Новый год (1741-й), был, по словам французского посланника, «чрезвычайно встревожен, когда увидел, что сени, лестница и передняя наполнены сплошь гвардейскими солдатами, фамильярно величавшими эту принцессу своей кумой; более четверти часа он не в силах был прийти в себя в присутствии принцессы Елизаветы, ничего не видя и не слыша». Тревога фельдмаршала оказалась ненапрасной: как раз в то время в Петербурге складывался заговор, который менее чем через год вознес Елизавету на престол.

Центральной фигурой предстоящих событий стал лейб-медик цесаревны Иоганн Герман Лесток, который еще в 1730 году убеждал ее предъявить свои права на престол. Теперь, спустя десять лет, она вполне созрела для борьбы за власть под несомненным влиянием того же Лестока, который в качестве образца для подражания рекомендовал Елизавете удачную ночную операцию Миниха, свергнувшего Бирона без малейших осложнений. Круг участников заговора в пользу Елизаветы Петровны был весьма узок. Активными сторонниками цесаревны были камер-юнкеры ее двора Александр и Петр Ивановичи Шуваловы, Алексей Григорьевич Разумовский и Михаил Илларионович Воронцов. Все они были примерно ровесниками Елизаветы и являлись ее близкими друзьями. Ни один из четверых камер-юнкеров цесаревны не играл в предстоящих событиях самостоятельной

роли: все они подчинялись указаниям Лестока и самой Елизаветы. Организационные связи заговорщиков с представителями высшего петербургского общества документально не прослеживаются, и, вероятно, активных сторонников Елизаветы в этой среде почти не было.

Однако нашлись другие люди, заинтересованные в возведении дочери Петра I на престол. Прибывший в Петербург в декабре 1739 года французский посол И.Ж. де ла Шетарди имел секретную инструкцию, в которой ему предписывалось разыскивать тайных сторонников Елизаветы Петровны и способствовать ее воцарению. Французская дипломатия надеялась путем государственного переворота изменить внешнеполитическую ориентацию России, поскольку молодая империя в то время состояла в союзе с враждебными Франции Англией и Австрией. Кроме того, традиционной целью французской внешней политики являлось ослабление России и недопущение ее к вмешательству в европейские дела. Лучшим способом для этого представлялся переворот в пользу Елизаветы, которая, как казалось, «по образу жизни и привычкам была не прочь вернуться к Руси допетровской и не любила иноземцев». Шетарди был уверен, что после восшествия на престол Елизаветы императорский двор переместится в Москву, вельможи предадутся хозяйственным заботам, флот придет в упадок и Россия откажется от активной внешней политики.

Французский дипломат вошел в близкие сношения с Елизаветой Петровной и Лестоком и выделил заговорщикам две тысячи червонцев. Сумма была незначительна, но все же несколько облегчила финансовые трудности Елизаветы, которая для денежных подарков гвардейцам даже удержала жалованье своим придворным. Союзником Шетарди в деле подготовки переворота в пользу Елизаветы стал шведский посланник Э.М. Нолькен. Шетарди убеждал шведов начать войну против России и возвести Елизавету на престол с помощью шведского оружия. В благодарность за помощь Швеция рассчитывала получить от своей ставленницы прибалтийские территории, перешедшие к России по Ништадтскому миру 1721 года.

В тайных переговорах с иностранными дипломатами Елизавета проявила себя тонким политиком. Она с благодарностью соглашалась принять помощь Швеции, но не давала со своей стороны никаких твердых обязательств. Попытки Нолькена и Шетарди получить подписанный ею документ с гарантией территориальных уступок не увенчались успехом. П.И. Панин отмечал впоследствии, что «Елизавета не согласилась дать письменного обещания, отзываясь, что крайне опасно излагать на бумаге столь важную тайну, и настояла, дабы во всем положились на слово ее. Последствия показали, что Елизавета Петровна перехитрила лукавого француза и ослепила шведов».

В июле 1741 года Швеция объявила России войну, указав в качестве одной из ее причин «устранение царевны Елизаветы и герцога Голштинского от русского престола и власть, которую иностранцы захватили над русской нацией». Разумеется, защита «русских интересов» явилась лишь поводом для агрессии: шведы вынашивали идею военного реванша еще с 1727 года. В авантюристические планы шведской правящей верхушки

входило отторжение Петербурга и даже завоевание северных земель России вплоть до Архангельска. Однако военные действия складывались для шведов крайне неудачно, и им приходилось рассчитывать лишь на ослабление России в результате внутренней смуты в момент елизаветинского переворота.

Тем временем гвардия уже настроилась на решительные действия. В июне 1741 года несколько гвардейцев встретили Елизавету в Летнем саду и сказали ей: «Матушка, мы все готовы и только ждем твоих приказаний». Она ответила им: «Разойдитесь, ведите себя смиренно; минута действовать еще не наступила. Я вас велю предупредить».

Елизавета Петровна понимала необходимость предельной осторожности, но развитие событий уже делало для нее невыносимым прежнее положение тихой и уступчивой родственницы царствующего дома. В октябре 1741 года она не смогла удержаться от резкого выпада в адрес А.И. Остермана, который был особенно опасен как самый талантливый деятель существующего правительства. Когда прибывший в Петербург персидский посланник выразил желание лично вручить привезенные им дары всем членам царской семьи, Остерман по какой-то причине воспрепятствовал его встрече с Елизаветой. Персидские подарки цесаревне принесли генерал С.Ф. Апраксин и гофмаршал Э.И. Миних, которым пришлось выслушать гневный монолог Елизаветы: «Скажите графу Остерману: он мечтает, что всех может обманывать; но я знаю очень хорошо, что он старается меня унижать при каждом удобном случае, что по его совету приняты против меня меры, о которых великая княгиня (Анна Леопольдовна. – В.И.) по доброте своей и не подумала бы; он забывает, кто я и кто он, забывает, чем он обязан моему отцу, который из писцов сделал его тем, что он теперь; но я никогда не забуду, что получила от Бога, на что имею право по моему происхождению». Так в пылу раздражения Елизавета уже открыто заявила о своих правах на престол.

Демарш цесаревны, впрочем, уже вряд ли мог вызвать удивление в Петербурге, поскольку заговор становился секретом полишинеля. По словам Манштейна, «Лесток, самый ветреный человек в мире и наименее способный сохранить что-либо в тайне, говорил часто в гостиницах, при многих лицах, что в Петербурге случатся в скором времени большие перемены». Если столь неосторожен был руководитель заговора, то и гвардейцы не считали нужным соблюдать конспирацию. Они открыто рассуждали о достоинствах «матушки Елизаветы Петровны» и о тех благах, которые «ниспошлет ее рука, с возведением ее на престол».

Некоторые представители правящей верхушки – канцлер А.М. Черкасский, генерал-прокурор Сената Н.Ю. Трубецкой и начальник Канцелярии тайных розыскных дел А.И. Ушаков – начали искать расположения Елизаветы, хотя и не участвовали в заговоре. Позиция последнего была особенно важна, поскольку при добросовестной работе политического сыска заговор не мог бы увенчаться успехом. Но Елизавета настолько не сомневалась в лояльном отношении к ней со стороны Ушакова, что в январе 1741 года даже

предполагала поручить ему руководство действиями своих сторонников. Неизвестно, велись ли между ними переговоры, но, во всяком случае, доброжелательный нейтралитет Ушакова в отношении заговорщиков не вызывает сомнения. Подтверждением этого факта служит весьма примечательный случай, зафиксированный в одном из дел Тайной канцелярии. В ночь на 25 августа 1741 года солдаты Преображенского полка В. Бурой и Г. Всеволоцкий на карауле у Адмиралтейства завели беседу об обстоятельствах войны со Швецией. Бурой начал объяснять товарищу, что истинной ее причиной является желание шведов поддержать права Елизаветы Петровны и ее племянника на российский престол. Он сказал также, что получил эти сведения от своего брата, лакея цесаревны, а тот в свою очередь слышал разговор об этом среди гостей Елизаветы Петровны. Преображенец похвастался и тем, что однажды, когда он навещал брата, цесаревна вошла в комнату, обрадовалась при виде его гвардейской формы и предложила ему водки. Обо всем этом Всеволоцкий должным образом сообщил в Тайную канцелярию, надеясь получить вознаграждение. Но Ушаков заключил обоих солдат под стражу и оставил дело без всякого разбирательства. Через два дня после прихода к власти Елизаветы Петровны Бурой и Всеволоцкий были отпущены из Тайной канцелярии без каких-либо последствий.

О планах заговора давно было известно как иностранным дипломатам, так и членам правительства. Еще в марте 1741 года английский посол Э. Финч передал Остерману и Антону Ульриху официальное предупреждение о готовящемся перевороте, о котором английское министерство иностранных дел узнало из перехваченной депеши шведского дипломата Нолькена. Муж и приближенные Анны Леопольдовны требовали от нее принять меры предосторожности, но она упорно отказывалась верить в преступные замыслы Елизаветы. Австрийский посол А.О. Ботта-Адорно прямо говорил правительнице: «Ваше высочество, вы находитесь на краю бездны; ради Бога, спасите себя, императора и вашего супруга». Многочисленные внушения привели лишь к тому, что Анна Леопольдовна решила лично поговорить с Елизаветой, наивно рассчитывая выяснить правду таким простым способом. Но это лишь ускорило момент переворота.

Вечером 23 ноября на приеме в императорском дворце цесаревна играла в карты, сохраняя глубокое и величавое спокойствие. Правительница нервно ходила по залу, изредка бросая взгляды на свою тетку и пытаясь увидеть на ее лице отражение злых умыслов. Но Елизавета была невозмутима. Тогда Анна Леопольдовна пригласила ее в соседнюю комнату, где между ними произошел тяжелый для обеих разговор, решивший исход дела. Добрая и простодушная правительница рассказала Елизавете о подозрениях иностранных послов и своих сановников и потребовала объяснений. Цесаревна, проявив выдержку и хладнокровие, назвала обвинения в свой адрес клеветой, а доверие к ним – безрассудством и даже заявила, что «слишком религиозна, чтобы нарушить данную ею присягу». Объяснение двух женщин закончилось слезами и объятиями. Вернувшись домой, Елизавета созвала совещание, на котором присутствовали Лесток, братья Шуваловы, Разумовский и Воронцов. Ввиду явной опасности раскрытия заговора решено было осуществить переворот вечером следующего дня. Предусмотрительность этого шага подтвердилась, поскольку на другой день гвардейские полки получили приказ выступить из Петербурга на войну со шведами.

В ночь с 24 на 25 ноября Елизавета прибыла в казарму гренадерской роты Преображенского полка и обратилась к своим приверженцам: «Ребята, вы знаете, чья я дочь, идите за мной!» Гвардейцы отвечали: «Матушка, мы готовы, мы их всех убьем». Елизавета возразила: «Если вы хотите поступить таким образом, то я не пойду с вами». Понимая, что ненависть ее сторонников обращена против иностранцев, она сразу же объявила, что «берет всех этих иноземцев под свое покровительство».

Переворот был совершен без пролития крови и без участия Шетарди. После ареста родителей маленького императора Елизавета взяла его на руки и вышла к народу. Ребенок сначала испугался множества людей, но потом развеселился и стал подражать раздававшимся вокруг крикам «Ура!». Елизавета Петровна поцеловала свергнутого ею монарха и сказала: «Невинное дитя, ты не знаешь, что клики сии лишают тебя престола». По свидетельству современника, «войска и народ, к которым показалась императрица Елисавета с балкона... выразили такую радость, что лица, жившие в Петербурге лет с тридцать, признаются, что подобной не видали ни при каком другом случае».